

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ: национальные особенности и европейский опыт

*Материалы круглого стола, проведенного в ИЕ РАН
(Москва, 19 января 2004года)*

Фурман Д.Е.

Коллизии российской многопартийности

Никто не будет оспаривать утверждение, согласно которому российская партийная система умирает. Она находится в предсмертном состоянии, агонизирует, не родившись. Почему это происходит, в чем причины этого? Полагаю, что существует ряд условий, которые необходимы для функционирования жизнеспособной партийной системы. И прежде всего, наличие в обществе устойчивых ценностных и идейных расхождений. В целом партии - это не только отражение разномыслия в обществе. Сошлюсь на таких авторитетов, как Сартори и Рокард, полагавших, что в возникновении партий есть элемент случайности, которая затем закрепляется организационно. Громадную роль играют и различия в избирательной системе, поэтому партийная структура, это не просто отражение структуры расколов в обществе; между партиями всегда существует определенная зона напряжения. Однако просто выдумать партии, как это пытались сделать у нас в России в конце 80-х - начале 90-х годов, исходя из тех только соображений, что везде есть христианско-демократические, социал-демократические, либеральные партии, никак невозможно. Впрочем, такие попытки продолжаются и до сих пор. Но массовое сознание сейчас изменилось, изменился климат в стране, появляется какое-то немислимое количество всяких партий: «Истинная Русь», просто «Родина», «Родина единая, великая», родина такая, родина сякая. Можно выдумать великое множество таких партий, но жизнеспособными являются только те, которые как-то находят нишу в реально существующей структуре расколов и размежеваний в обществе. Или они возникают из этой ниши, или они нащупывают эту нишу. Были ли у нас в России такие глубокие расколы, которые могли бы в начале нашего постсоветского развития стать основой для создания устойчивой партийной системы? Я думаю, что безусловно были. И, прежде всего, это был довольно глубокий, сохраняющийся и до сих пор раскол общества по отношению к советской власти, к СССР, затем, ко всем событиям, которые условно можно назвать революцией 1991 года. Именно эти обстоятельства вызвали реальный глубокий раскол в обществе на два лагеря, приблизительно так же, как Великая французская революция раскола лет на сто французское общество, и следы этого раскола сохраняются до сих пор. Очевидно, были и другие расколы, меньшего значения, так сказать, подрасколы внутри этого большого раскола. Сам Советский Союз и советская власть могли восприниматься по-разному - как социализм, социальная справедливость, как великая держава. Поэтому среди противников революции 1991 года всегда было два различия (в едином лагере): националистическое и коммунистическое. Довольно устойчивый раскол правого лагеря на «Яблоко» и СПС (а до этого - на предшествующие образования) тоже говорит о том, что эти партии расколоты не только из-за склок между лидерами, а, следовательно, и здесь размежевание имеет довольно глубокие корни.

Для того, чтобы возникла устойчивая демократическая система, расколы должны быть устойчивыми, но не доходящими до абсурда. Желательна некая «золотая середина» дифференциации общества. При полной неустойчивости, полном идейно-политическом

расхождении, не может быть стабильной политической системы, она рассыпается. Также желательны какие-то лабильные комбинации по отношению к какой-то конкретной проблеме, мозаика таких комбинаций. Если нет устойчивого ядра приверженцев определенных партий, то не может быть устойчивой многопартийной структуры. Но если партии состоят из одних только ядер, то тоже не может быть устойчивой демократической партийной структуры. В то же время, если общество делится исключительно на приверженцев двух воззрений, то борьбы в рамках демократического процесса между ними быть не может, ибо борьба ведется за голоса. Следовательно, должно быть пространство для этой борьбы, должны быть колеблющиеся, должны быть неопределившиеся, люди с неустоявшимся мировоззрением. Есть ли у нас в России промежуточное пространство электората? Мне кажется, что таковое имеется. Нельзя сказать, что общество 1991 года делилось на замкнутые группы сторонников и противников советской власти. Существовал громадный слой людей с неопределенным отношением и к советской власти, и к антисоветской революции, что показали выборы 90-х годов. Например, все те, кто одновременно голосовал и за сохранение СССР на референдуме марта 1991 г. и за кандидата в президенты Ельцина в июне 1991 г. - это громадный слой. Это был слой, который давал противоположным силам пространство борьбы за этот слой, перетягивания его на свою сторону. С необходимой средней степенью устойчивости идейных и ценностных расколов связана и необходимая для устойчивой демократической системы средняя степень их интенсивности. Если противоречия, лежащие в основе партийных размежеваний, слабы, то слабы и сами размежевания, то есть нет тех вопросов, по которым возникают устойчивые структуры, но если они слишком сильны, это не дает возможности соблюдать единые правила игры, допускающие победы не только тебя, но и твоего противника. Если ты рассматриваешь противника не только как противника в данном состязании, а как некое исчадие ада, а свою идейную систему видишь не просто как правильные взгляды, а как ключ к спасению родины и человечества, то демократическая партийная система также невозможна, потому что к собственным ценностям появляется такое сакральное отношение, что уже не может быть соблюдения правил - по отношению к исчадию ада все средства хороши. И допустить его к власти никак нельзя, ни под каким условием, ротации тут быть не может. Российский раскол на противников и сторонников советской власти был достаточно сильным, эмоционально перегруженным. Советская система была достаточно жесткой и жестокой, чтобы возбуждать у многих очень обостренные негативные чувства, а с другой стороны, это была система, освященная многочисленными страданиями и жертвами, совершенными во имя её подвигами и достижениями, и защита её тоже для многих была делом священным. Установление при такой ситуации единых правил игры противников и сторонников было делом достаточно трудным. Тем не менее, мне кажется, что преувеличивать это не надо. Конечно, в обществе есть и фанатичные коммунисты и фанатичные антикоммунисты, но и те и другие были и будут в меньшинстве. Большинство все-таки не принадлежало к этим крайним радикальным группировкам и, собственно, вся история 1991 года, когда прошли довольно спокойно президентские выборы, когда Советский Союз распался без крови (вообще до 1993 года крови-то по-настоящему не было пролито), говорит о том, что преувеличивать силу этих размежеваний не стоит. Таким образом, в 1991 году у нас были достаточные основания для создания устойчивой партийной системы. Идея выборов была очень популярна, имело место сильное стремление избежать трений, избежать гражданской войны, что должно было способствовать переносу борьбы в мирное русло демократического процесса. Более того, такой процесс почти начался. В 1991 году произошло событие, поставившее Россию на грань демократии. Мирный, выборный, законный приход к власти оппозиции в лице Ельцина и, что самое важное, власть Горбачева не сопротивлялась

этому физически. То есть, был создан прецедент возможной мирной ротации власти. Казалось, уже складываются новые демократические правила игры, власть допустила возможность своего частичного поражения. Однако, выборы Ельцина не были выборами реальной власти в государстве, так как власть принадлежала Горбачеву и союзному правительству. И события, происходящие после выборов, ликвидируют открывшуюся возможность. Далее события развивались по схожему сценарию почти во всех восточно-европейских странах: приходит к власти оппозиция, в данный момент Ельцин, через какое-то время происходят новые выборы, оппозиция отстраняется и те, кто раньше был у власти, а затем оказался в оппозиции, снова возвращаются к этой власти, перестроившись и изменившись (что, собственно, произошло в Польше, Литве и других странах). И опять начинается естественный процесс ротации. Но события, которые разворачивались у нас во второй половине 1991 года (ГКЧП и Беловежские соглашения), эту открывавшуюся возможность перекрыли. Власть оказалась в ситуации, когда отступление, уход от власти, перестало быть возможным.

Создание системы, делающей невозможной ротацию власти, фактически делает бессмысленным существование партийной системы, ибо партии, которые заведомо не могут прийти к власти, по определению никому не нужны, кроме самой власти для создания видимости демократии, и кроме самих лидеров для сохранения статуса. Происходит естественное их ослабление от бесперспективности и бессмысленности собственного существования. Наиболее слабые вообще исчезли, компартия тоже не в самом хорошем положении. Постепенно складывается система, начиная от безальтернативной верховной власти, единой безальтернативной партии, которая, по сути, не есть партия в нормальном, демократическом смысле слова. Она не правая и не левая, она просто одна, как КПСС. С моей точки зрения, партийная система России, в результате такой зависимости от выборного пути, была обречена с самого начала, и сейчас мы присутствуем при её нормальном тихом умирании.